Серия
«Для дома, для семьи»

В. Пилипов

Так ли плох был

Домострой?

Популярная библиотечка «Коробейник»

Домострой (дом. устроение) — разбитый по гл. кодекс норм религиозного и общественного поведения главы, правила воспитания и быта зажиточного горожанина.

Русский глава не мыслился без семьи

Популярная библиотечка «Коробейник»

Серия «Для дома, для семьи»

В. Пилипов

Так ли плох был Домострой?

МОСКВА
«ПАНОРАМА»
1992

ББК 87.7
П 32

ISBN 5-85220-137-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор предлагает вниманию современного просвещенного читателя свои размышления об одном из выдающихся произведений русской литературы XVI века, бывшего основным сводом нравственных норм и правил многих поколений российского православного общества. «Книга, называемая Домостроем, которая содержит в себе полезные сведения, поучение и наставление всякому христианину — и мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам»,— таково полное название этого поистине уникального труда, вобравшего в себя многовековой уклад, традиции, опыт русской семьи.

Заметим, что в разное время в обществе не однозначно относились к «Домострою». Если до появления на общественной сцене революционных демократов-разночинцев он был незыблемым и бесспорным учителем «для всякого живущего в России», то начиная со второй половины XIX века «Домострой» подвергается все большей критике. Его постулаты объявляются косными, отжившими, тормозящими общественный прогресс.

А что если взглянуть на это уникальное явление человеческой мысли как на творение, сохранившее в основе своей немало ценного, практически полезного для современного человека, семьи, общества. Мы многое подвергаем сегодня переосмыслению и нередко реабилитируем то, что еще недавно осуждали, отвергали бесповоротно, веря на слово авторитетам, зачастую не видя в глаза того или иного произведения, будь оно трижды талантливым или даже гениальным. Разве не возвращаются к нам сейчас «Библия» и «Евангелие», стихи Гумилева и Надсона, произведения Платонова и Шмелева, Войновича и Солженицына, труды Соловьева, Бердяева и многих, многих других. И сколько ценного содержится в этих удивительных, вернувшихся к нам из небытия, книгах!

Мы находим в них ответы на многие острые злободневные вопросы, мы обогащаемся новыми знаниями, мы меняем свои взгляды под их воздействием, они раскрывают нам еще не познанные стороны общественного бытия, они питают наши сомнения и заряжают нас оптимизмом.

Думается, к числу таких творений можно отнести и «Домострой». Уже с первых строк он заставляет размышлять о дне минувшем и сегодняшнем, анализировать, делать выводы, удивляться и сожалеть. И так уж плох был домострой? Не потеряли ли мы нечто очень важное, объявив его в одночасье вредоносным?

Уже в первом поучении «Наставление отца сыну» подчеркивается строгая иерархичность в укладе русской семьи. Основная роль в ней отведена мужчине. Он истинный ее глава, наставник, кормилец и ответчик. С него спрос общества за благополучие и здоровье семьи. Разве это не современно? Не о таком ли муже, надежном, работящем, ответственном, мечтает сегодня женщина?

Увы, мы так долго и упорно добивались равенства в семье и обществе между мужчиной и женщиной, мы так целеустремленно эмансипировали «слабый пол», что превратился он в «наисильнейший». В борьбе за равноправие мы как-то незаметно избавили мужчину от всех забот, переложив его ношу на плечи женщины.

Это лишь один из аспектов затронутых «Домостроем» проблем морали и нравственности русской православной семьи. Всего же в книге наставлений, советов, поучений — 64. Большая часть из них содержит рекомендации по ведению домашнего хозяйства, которые не потеряли своего значения и сегодня. Значительная часть произведения регламентирует отношение к православной церкви, ее служителям, богу. В большинстве поучений прямо или косвенно эта тема присутствует, как бы освящая и освещая семью, ее уклад. Это весьма характерная особенность «Домостроя». С одной стороны, бесспорно, она придает ему определенную архаичность, но с другой — его религиозная основа, как ни странно, вполне современна, ведь наше время характерно возрождением духовности, в процессе которого немалую роль призвана сыграть церковь.

Сейчас взоры многих людей обращены к религии. Их привлекают глубоко гуманистические и потому созвучные нынешнему времени евангельские постулаты морали и нравственности, то, что мы утратили за минувшее семидесятилетие, осуществляя так странно звучащий сегодня лозунг: «Борьба с религией — борьба за социализм!», возникший, в свою очередь, на основе марксовой аксиомы «Религия есть *опиум* народа». Но, как показала наша действительность, попытка изгнания религии, а вместе с ней и церкви из нашего общества оказалась разрушительной и опасной для его социального и нравственного здоровья, а наша атеистическая пропаганда — свидетельство не богатства разума, а бедности духа. Сегодня именно в церкви многие видят, и не без основания, носительницу духовно-нравственных ценностей. Не случайно одной из самых популярных книг в последнее время стала «Библия».

Мы еще не постигли многих законов развития общества. Но ряд закономерностей прослеживается на протяжении тысячеле-

тий. Все доброе, гуманное прививается человечеству через борьбу со злом, агрессивностью, жестокостью и это при очевидности понимания каждым поколением, что только через утверждение добра, терпимости, согласия, уважения к достоинству каждого, любви к ближнему можно создать такие условия существования, при которых большинство будет счастливым и процветающим.

«А может ли помочь нам в этом «Домострой»?» — спросите вы. Безусловно! С этой целью мы и хотим представить вам это произведение, дорогой читатель, помочь разобраться в ряде наставлений, попытаться вместе проанализировать причины того, почему многие положения «Домостроя», к сожалению, оказались невостребованными, больше того, просто неизвестными нам, поскольку сам «Домострой», как вы знаете, был предан анафеме, да и сегодня продолжает действовать когда-то наложенное на него «табу». А ведь именно вечные истины, которыми так богат «Домострой», способствуют утверждению в обществе согласия и миролюбия, чего так не хватает нам сегодня; осознанию необходимости трудиться, потому что иным способом нам не выбраться из пропасти нищеты и унижений; появлению потребности заботиться о близких, родных, слабых, без чего никакая справедливость не станет характерной чертой нашего общества.

Вот с этих позиций давайте и обратимся к «Домострою», его предшественникам.

ЧТО ЗАВЕЩАЛ НАМ ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Размышляя о «Домострое», о его значении в жизни общества, мы вольно или невольно всякий раз убеждаемся, как велика была его роль в жизни людей, прослеживаем прямую связь между тем, как относятся к законам «Домостроя» люди, знают ли, соблюдают ли их и каково состояние общества, не только нравственное, но и материальное, ибо отсутствие нравственности, или повсеместное несоблюдение норм и правил человеческого общежития, несовместимо с благополучием, благоденствием общества. Ученые не без основания утверждают, что сегодня, к сожалению, значительная часть общества не соблюдает даже элементарных правил нравственного поведения, и потому, что просто малограмотна в этих вопросах, и потому, что утрачены традиции, культура, идеалы и т. п.

Примечательно, что с той поры, как люди стали осознавать себя, формировать сообщества, стремиться к обретению государственности, самое пристальное внимание они уделяли прежде всего моральным и нравственным устоям.

История сохранила для нас великолепное тому свидетельство — «Поучение» Владимира Мономаха. Вот, в частности, что в нем говорится: «Остерегайтесь лжи и пьянства — это губит и душу и тело. Куда ни пойдете по своей земле, нигде не позволяйте ни своим, ни чужим отрокам обижать жителей ни в селениях, ни в полях, чтобы вас не стали проклинать. А куда ни пойдете, где ни остановитесь в пути, везде напойте и накормите всякого просящего; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел,— простой ли человек, или знатный, или посол,—... угостите пищей или питьем... Больного посещайте, мертвого пойдите проводить: так как все мы смертны. Не пройдите мимо человека, не приветствуя его, а скажите всякому при встрече доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей над собой воли... Что знаете хорошего, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь... А леность — мать всему дурному: ленивый что умеет, забывает, а чего не умеет, тому не учится; вы же, поступая хорошо, не ленитесь на все доброе».

Поучение Мономаха можно смело назвать предтечей «Домостроя». Возможно, именно оно вдохновило авторов этого удивительного труда на создание целого свода законов жизни русской семьи и общества: так много общего в мыслях и взглядах на суть взаимоотношений людей в этих произведениях, созданных в эпохи, отстоящие друг от друга на целые столетия. А разве мы сегодня, спустя более чем четыре века, насыщенных историческими катаклизмами, социальными революциями, бурными взрывами научно-технического прогресса, изменившими мир до неузнаваемости, превратившими человечество в техногенное, урбанизированное в большинстве своем, цивилизованное общество, разве мы сегодня не стоим перед решением по сути дела тех же нравственных и моральных проблем: «не лги, не убий, желай и делай своему ближнему только добро, трудись не покладая рук, живи с чистой совестью и в правде...»?

Только усвоив эти нормы отношений между людьми и государствами, каждый человек может считать себя цивилизованным.

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА СЫНУ

«Благословляю я, грешник имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю божью и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе божьем, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насильем, не побоями, не рабством тяжким, а как детей, чтобы были всегда успокоены, сыты и одеты, и в теплом дому, и всегда в порядке. И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и на вразумление вам и детям вашим. Если этого моего писания не примете и наставления не послушаете и по нему не станете жить и поступать так, как здесь написано, то сами за себя ответ дадите в день Страшного суда, я к вашим проступкам и греху не причастен, то вина не моя: я ведь благословлял на благочинную жизнь, и думал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; если же это мое простое поучение и слабое наставление в этом писании примете вы со всею чистотою душевной, прося у бога помощи и разума, насколько возможно, и, коли бог вразумит, в дело его претворите,— будет на вас милость божья, и пречистой богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до скончания века, и дом ваш, и чада ваши, и имение ваше, и богатство, какие вам бог даровал от ваших трудов,— будут благословенны и исполнены всяческих благ во веки веков. Аминь».

Так звучит одно из самых главных наставлений «Домостроя»,

звучит величаво и гордо, как звон колокола вселенского храма добра. Вчитайтесь, вслушайтесь, еще и еще раз повторите слова главной заповеди отца и подумайте, разве не о том ли вы говорили своему сыну, дочери... ну, конечно, другими словами, не поминая, быть может, бога, не устрашая своих чад Страшным судом. Но не слышат нас дети, и большие и малые, не пробиться к их юным, но уже очерствелым, а то и ожесточившимся душам. Редкий прислушается: «А может быть, прав родитель?»

Почему же так получается: мы желаем детям своим добра, мы страстно хотим, по крайней мере, большинство из нас, чтобы жили они «с чистой совестью и в правде», чтобы «богатство их было от трудов праведных», а они не всегда, далеко не всегда выбирают дорогу к храму.

Когда я задал этот же вопрос одному моему приятелю, весьма достойному человеку, талантливому ученому, он ответил, что сравнивать нынешнее время с домостроевским, измерять поступки наших современников теми мерками никак нельзя. Почему? И далее он сказал примерно следующее: «Домострой» был законом для всей семьи. Он вошел в семью как воздух. О нем не думали, не сверяли поступки, он был самой жизнью. Он определил семейную иерархию, отношения между старшими и младшими, обязанности и долг каждого от мала до велика. Отец — глава, его слово — закон. Мать — его помощница. Во взглядах на малое или большое — они едины. Я вырос в простой многодетной семье. Помню, за обеденным столом, когда собирались все, первым ложку в большую миску с борщом опускал отец, потом взрослые, а мы, детвора, уже после них. Вроде пустяк, но этот ритуал, повторяемый трижды на дню, лучше всяких слов утверждал и порядок в семье, и уважение к старшим. На таких бытовых традициях и воспитывались. Строгость была и глубокое уважение к старшим не только в своем доме, но и за его стенами. А ну кто-то из соседей пожалуется на тебя... Тогда взрослые не отвечали: «А у тебя у самого Ванька, Колька что делают?» или «Смотри лучше за своими охламонами!» Такого не было. Пожаловался сосед — получишь выволочку. Это чтобы не подрывать авторитет взрослого».

Много значил и пример старшего. Честность, совестливость, гордость за свое дело, за марку, как раньше говорили, почитались превыше всего. До революции, рассказывают, были на фабриках и заводах рабочие, которых называли «королями»,— выдающиеся мастера в своей профессии. Они имели личные клейма, и, уж если такой мастер сделал деталь, механизм, можно было не проверять — качество гарантировалось. Было среди них и немало изобретателей, рационализаторов, как мы сейчас называем, умельцев...

Да, еще не так давно, лет 30 назад, можно было повстречать такого «короля», хотя были они уже в редкость. Но мне посчастливи-

лось. В 60-е годы на Харьковском турбинном заводе работал токарь И. Д. Дрокин, было тогда ему где-то далеко за 50. На гигантском токарном станке он вытачивал валы многометровой длины — для роторов мощных турбин в 300—500 и более тысяч киловатт.

«Когда вал делает Дрокин, я спокоен,— сказал мне как-то директор завода.— Дрокин — гарантия качества...»

Однажды я пришел в цех, когда собранную турбину, установленную на стенде, собирались испытывать. Едва поставили под нагрузку, как появился Дрокин. Невысокий, скорее полный, нежели худощавый, в надвинутой старой кепчонке на глаза, он достал из бокового кармана куртки медный пятак и поставил его ребром на боковую плоскость турбины и стал внимательно смотреть из-под круглых металлических очков на монету: удержится ли, не упадет... Пятак не падал. Значит, вибрации нет, турбина сработана на совесть!

— Спасибо Дрокину, спасибо всем! — резюмировал через несколько часов руководитель испытаний.

Как-то раз напросился я в гости к знаменитому токарю.

И вот, сидя с хозяином за чашкой чая, я спросил его, с чего начиналось его мастерство, что питало его стремления достичь такого успеха, какого никто в его деле не смог?

Дрокин улыбнулся, встал из-за стола, вышел в соседнюю комнату. Когда через минуту-другую он возвратился, в руках его была потрепанная старая книга. Надев очки, он полистал ее, нашел нужную страницу и, протянув книгу мне, сказал: «Вот отсюда читайте».

«Наставление отца сыну»,— прочел я тогда незнакомые еще строки.— «Благословляю я грешник... сына своего... жить с чистой совестью и в правде...»

Да, это был «Домострой», который в те времена не просто не жаловали, он был запрещен еще с 1917 года.

«Вот нет сейчас такого учебника, который учил бы семью, как жить,— говорил тогда Дрокин, положив руку на ветхую обложку «Домостроя».— Нового не написали, а про этот забыли, а зря. Цены ему нет. Так вот я начал жить по нему, и сейчас нет-нет да и загляну в него, особенно когда соблазн какой одолевает...»

Да, мы многое забыли, забыли о долге растить детей полезными для общества, забыли о своих собственных обязанностях перед родителями, о личном примере — лучшем воспитателе. Иной родитель или родительница учит свое чадо быть сильным, уметь давать сдачи, не теряться брать свое... Совесть? Это удел слабаков и неудачников! Честность? Интеллигентские штучки! Помощь слабому, попавшему в беду? Не стоит тратить время на хлюпиков! У жизни надо брать, а не просить!

И вот вырастает новый современный тип эдакого супермена: жесткого, без сантиментов, уверенного в себе, живущего только

для себя, гребущего под себя, лишенного всякого чувства милосердия, сострадания, справедливости, отнюдь не гражданина, скорее рвача. Он может быть и не лишен внешней респектабельности, кажется порой даже обаятельным, только если не надолго; он многим импонирует своей коммуникабельностью, целеустремленностью. Он деловой человек! Но не дай вам бог стать у него на пути или просто ущемить в чем-то его личные интересы... Сколько их по стране и среди занимающих руководящие кресла различных ведомств и контор, сидящих в кабинетах торговых баз, катящих в роскошных «мерседесах» и «вольво» или стоящих за прилавками универсамов и универмагов. Нет, я не против богатых людей. Рыночная экономика, к которой мы стремимся, многих расставит соответственно их способностям, знаниям, деловым качествам. Но сейчас у нас как в зазеркалье: общественная значимость и состоятельность человека зачастую определяются гибкостью спины перед вышестоящим, умением идти в «нужный» момент на сделку с совестью или вовремя оттолкнуть более способного, достойного, используя любой запрещенный в цивилизованном мире прием, и т. д. К сожалению, ряды «импозантной» серости растут.

Так нужен ли нам «Домострой»?

— Да, нужен,— сказала мне однажды в разговоре Нина Константиновна Сысоева, заслуженная учительница РСФСР.— С его помощью можно и нужно воспитать новое, сильное верой в добро, не лишенное чувства сострадания к нуждающемуся в помощи, честное и принципиальное в выборе способов достижения цели поколение. В этом я вижу смысл, заложенный в понятие *гражданственность*. Быть гражданином — вот к чему мы должны готовить наших детей и внуков, и здесь «Домострой» с его поучениями, советами, наставлениями для каждого члена семьи просто неоценим. Ведь характер человека, основные его качества, моральные, нравственные, психические, закладываются именно в семье в очень раннем возрасте, и в школу он приходит уже сложившимся индивидуумом.

Как это делается, что́ зависит от родителей, каковы основы семейного воспитания? — спросите вы, читатель. Что ж, давайте и на этот раз обратимся к «Домострою».

КАК ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТЬ В ПОУЧЕНИИ И СТРАХЕ БОЖЬЕМ

«А пошлет бог кому детей — сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху божию и вежливости и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию —

мать дочерей и мастерству — отец сыновей, кто в чем способен какие кому бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности — упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им и ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию,— такие дети с родителями своими будут богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут — добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или по божьей милости своих дочерей за сыновей их выдадут замуж...»

Конечно, в этом поучении, впрочем как и в других, современный читатель найдет немало архаичного. Здесь не только язык и стиль, но и такие понятия, как «Страшный суд», «божий грех и страх» или совет «осудив, побить», думается, должны восприниматься со скидкой на то стародавнее время, когда отношения между людьми были иными. А если вы убежденный атеист, то отнеситесь к ним как к иносказанию.

Нет, не случайно в каждой главе «Домостроя» его авторы с настойчивостью, принятой в религиозной литературе, повторяют одну и ту же мысль: главное, что необходимо человеку, семье, обществу,— «воспитывать с младых ногтей», проявлять во всех своих действиях, всячески утверждать в жизни добро.

Мы живем в обществе, в котором слишком много лжи, нетерпимости, неуважения друг к другу, эгоцентризма и эгоизма, агрессии, элементарной нечестности и хамства, где часто остаются невостребованными талант и трудолюбие, где слово интеллигентность звучит чуть ли не как оскорбление.

Как же бороться с этими разрушающими тенденциями? С чего начинать? В этой связи хочу привести строки из письма Федора Михайловича Достоевского «Неизвестной матери».

«...Будьте добры, и пусть ребенок Ваш поймет, что Вы добры (сам, без подсказывания), и пусть запомнит, что Вы были добры, то, поверьте, Вы исполните перед ним Вашу обязанность на всю его жизнь, потому что Вы непосредственно научите его тому, что добро хорошо. И при этом он всю жизнь будет вспоминать Ваш образ с большим почтением, а может быть, и с умилением. И если б

Вы сделали много и дурного, т. е., по крайней мере, легкомысленного, болезненного и даже смешного, то он несомненно простит Вам, рано ли, поздно ли, в воспоминании о Вас все Ваше дурное ради хорошего, которое запомнит. Знайте тоже, что более Вы для него ничего и не можете сделать...»

Очень важно не только для детей, но и для родителей, общества передать детям свое мастерство и умение, привить трудолюбие, раскрыть способности. Но не только это. Как необходимо всем нам поднять следующее за нами поколение хотя бы на ступеньку выше по крутой лестнице нравственного совершенства. Удалось ли нам это сделать?

Мы сетуем сегодня, возмущаемся, мы, кому за 40, 50 и более, что страна переживает кризис, ищем виноватых. Они, впрочем, известны, как и причины, их породившие. Да, наше падение в пропасть нищеты, хаоса, непредсказуемости есть результат ошибочно выбранного пути. Что же мы построили? Многолетнее царство безудержной авторитарной власти, при которой невиданная жестокость, террор были возведены в ранг народного блага. Что получили? Отчуждение рабочего и крестьянина от плодов своего труда, низведение интеллигенции до уровня слуги системы, экономику, отрицающую важнейшие законы производства и рынка, в итоге — всеобщую апатию, безверие, застой, кризис почти во всех областях деятельности.

Но, положа руку на сердце, давайте спросим себя, а не помогали ли мы утверждению и расцвету всех этих уродливых явлений? Ну, а если не мы, то наши родители или их родители?.. Наверное, на этот вопрос придется ответить утвердительно. Так чему удивляться, что после развенчания «вечных» авторитетов, слома старых догм, веры в «светлое завтра» у многих молодых возникли апатия и равнодушие или эгоизм и агрессивность?

Каждый день печать, радио, телевидение заставляют многих из нас содрогаться от фактов и цифр роста преступности среди молодежи и подростков. Общество в тревоге! Состояние, близкое к шоковому! Посудите сами: лица в возрасте 14—29 лет составляют почти 60% участников преступлений, а по отдельным видам — до 90%. 67% совершенных подростками преступлений составили кражи, грабежи и т. п. Для 14—15-летних этот показатель превышает 80%.

Только на учете органов внутренних дел свыше 4 тысяч проституток, бóльшая часть из них — молодежь, а каждая десятая — в возрасте до 18 лет. Да, тут есть над чем задуматься. Что же мы сделали с нашим молодым поколением? Да, это мы их такими сделали. Мы — отцы, матери, бабушки, дедушки. Мы жалели наших детей, внуков, старались избавить их от малейших трудностей начиная с работы по дому, старались исполнить каждое их желание.

Не задумываясь, что своей неразумной привязанностью, стремлением оградить от забот и труда своих дорогих мальчишек и девчонок вскармливаем эгоистов, способных только потреблять любовь своих близких, ничего не отдавая взамен. А чрезмерная любовь порождает в детских нестойких душах эгоцентризм, вседозволенность, уверенность в своей исключительности, отсюда один шаг до оправдания любого своего действия, даже преступления.

Вспомним события в Намангане, высвечивающие лицо молодого поколения. Вот что произошло там 2 декабря 1990 года. Шестеро солдат возвращались из увольнения в свою часть. На одном из перекрестков автобус, на котором ехали солдаты, остановился... «Мгновенно в бой с шестеркой безоружных солдат бросились сотни находившихся поблизости мужчин, главным образом подростков. Рядом находились и наряды милиции, но вмешаться они не смогли — их тут же закидали камнями.

Солдат убивали долго и неумело, мучили больше часа. Ломали ноги, топили в арыке, топтали. На лежащих — и живых, и уже бездыханных — выжимали тряпки, смоченные бензином. Жгли...

В ночь на третье декабря человек 50—70 — пацаны — совершили нападение на русскую православную церковь, находящуюся в Узбекской махалле.

— Они кричали, кидали камни в храм и долбили палками ограду,— сказал церковный сторож Василий Парбузин.— Мне было очень страшно...

С трудом удалось уговорить их — ведь храм собирались поджечь... И подожгли бы, если бы старики узбеки не начали кричать...»

Печальное, но справедливое резюме по этому поводу высказал муфтий мусульман Средней Азии и Казахстана Мухаммадсадык ибн Мухаммадюсуф: «Мы вырастили страшную молодежь... Она не ставит в грош ни старших, ни религию, ни закон. Она понятия не имеет ни о нравственности, ни о степени ценности чужой жизни. Я жалею их, а не проклинаю, ибо их прокляла вся наша жизнь».

Бесчинства, надругательства над ценностями культуры, творимые подростками, детьми нашими и внуками, стали настолько частыми, что мы, увы,— говорю это с болью и возмущением,— почти привыкли к этому.

Думаю, со мной согласится читатель. Главная причина здесь — в разрушении устоев духовности. Под знаменем утверждения новой морали и нравственности деградировали наша семья и общество. Да и могло ли быть иначе в тоталитарном государстве, где нередко ложь выдавалась за правду, а зло за справедливость?

Последний штрих: IV съезд народных депутатов СССР. Идет обсуждение постановления о положении в стране. В преамбуле проекта есть строки, констатирующие, что страна находится в глубочайшем экономическом, политическом, социальном кризисе...

Но вот один из депутатов предлагает внести дополнение: «Страна находится и в тяжелом духовном кризисе...» И съезд принимает эту поправку.

Что ж, признание — шаг к исправлению содеянного.

КАК ДЕТЯМ ОТЦА И МАТЬ ЛЮБИТЬ, И БЕРЕЧЬ, И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ, И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ

Не первый раз читаю «Домострой», но всякий раз поражаюсь убедительности и аргументированности изложенных в нем правил, публицистической страстности языка и стиля. Но больше всего поразительна нравственная связь людей совсем юных, и зрелых, и пожилых, которая объединяет столь разные поколения в единую семью. Родство по крови? Не только. Безмерная благодарность за дарованную жизнь, за бессонные ночи у детской кроватки, за родительскую любовь лежит в основе обязанности детей перед отцом и матерью. Неимоверно тяжелый и не всегда благодарный труд воспитывать честного, доброго, справедливого, работящего человека и гражданина — основа родительского долга. Наш общий долг — взаимная любовь и привязанность к самым близким и дорогим тебе людям, ответственность за их жизнь и судьбу, особенно когда они вступают в возраст, уже не позволяющий им трудиться с прежней отдачей для семьи, когда они сами нуждаются в добром слове, заботе и уходе, в помощи и сочувствии. Вот когда приходит время для детей отдавать свои долги сполна и отдавать с радостью, испытывая удовлетворение.

История нашей страны всегда была богата подвигами, примерами подлинного мужества. И особое место среди них занимает родительское самопожертвование, оно воистину беспримерно и проявляется с особой силой и яркостью в дни самых тяжких испытаний, выпадающих на долю народа. Я приведу строчки из одного, только одного свидетельства — письма двенадцатилетней девочки из Ленинграда отцу на фронт, датированное 1942 годом.

«Здравствуй, папка! Пишу тебе из глубокого тыла, куда нас эвакуировали. Спасибо, что ты меня нашел. А у многих папы так и не нашлись, и все мне завидуют. А мамы у нас с тобой больше нет. Она умерла от голода. Она мне отдавала свою пайку хлеба, а сама пила кипяток да ела суп, который давали на заводе. А я не знала, что она свою пайку отдает мне. «Это мне дополнительно дают на заводе»,— говорила она... А когда ее хоронили, тетя Оля сказала про все. Ты прости меня, папочка, я не знала...»

И сегодня невозможно читать без боли в душе, без кома, подступающего к горлу, эти кричащие строки. А сколько таких трагедий было и в годы коллективизации, когда «раскулаченных» крестьян

миллионами вывозили на Север, в Сибирь, и в годы великого голода на Украине, и в лихолетье Великой Отечественной, и после... Детей берегли до последней возможности. А помните, что сказано в морском кодексе: если судно терпит бедствие, первыми его покидают женщины и дети.

Вот почему дети всегда были в долгу перед родителями.

Мы не случайно употребили здесь слово «были». Нет, не только потому, что речь шла о времени давно прошедшем, а прежде всего потому, что за последние десятилетия пошатнулся и этот нравственный постулат, казалось бы, такой простой и естественный для любого человека.

Как часто мы слышим от наших близких, друзей, знакомых: «Дети нас не уважают, грубят, не считаются с нашим мнением, дети нам не помогают, не пишут и даже в праздники забывают поздравить...»

Откуда такая черствость? Задаем мы себе этот вопрос довольно часто.

Частично мы об этом говорили в предыдущей главе «Как детей своих воспитать...» Но дело не только в «излишней и болезненной заботе о детях». А разве феномен «Павлика Морозова», усиленно насаждавшийся нашей пропагандой, не развенчивал авторитет родителей?

Но есть и другая сторона нашей нынешней жизни, не менее разъедающая детские души, причем повинны в ее существовании подчас любящие своих детей родители. Чтоб не затруднять вас объяснениями, предлагаем поразмыслить над такой вот статистикой. Каждый год у нас регистрируется 2,7—2,8 миллиона супружеских пар, а распадается 930—940 тысяч брачных союзов. Растет число так называемых материнских семей, где женщина одна растит детей. Таких семей сегодня, как никогда раньше, много — 8—9 миллионов.

А сколько неудачных браков, где детям ой как неуютно живется. В 10—15 раз больше, чем распадающихся! А ведь есть еще и полуудачные, полунеудачные, их от трети до половины, т. е. 20—30 миллионов. У нас в стране холостяков и незамужних («узников свободы», как их называют) около 40 миллионов.

Так о каком авторитете родителей может идти речь?

Потеря нравственных устоев семьи — результат борьбы с традиционным «домостроевским» укладом жизни, отличавшим русскую семью и обеспечивающим ее выживание в нелегких социально-исторических условиях.

Примечательно, что известные исследователи народного творчества и быта Афанасьев и Буслаев утверждали, на основе изучения и анализа особенностей русской семьи, что славянин всегда, при всех обстоятельствах, выступает как семьянин, личность его

проявляется в связи с заботами об остальных членах семьи. Наша русская бытовая песня есть песня преимущественно о семьях. В них накоплены несметные сокровища добра, красоты, разума... А мудрость предков помогает избежать многих ошибок, так свойственных молодым, красота слова помогает понимать и ценить прекрасное, распознавать уродливое, добро же облагораживает человеческую натуру, помогает осознавать достоинство каждой личности, укреплять семейные и гражданские узы, ощущать себя Человеком.

И христианство, с которым, как и с другими религиями, жестоко и последовательно боролось наше общество в течение всех семидесяти с лишним лет, пришедшее на Русь в качестве религии государственной, взяло на себя заботу о семье — основе государства. И, естественно, отрицание религии, нетерпимость к ней явились также ударом по нравственным устоям семьи.

Итак, одна из основных заповедей русской семьи:

«Чада, вслушайтесь в заповеди господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и бог вас помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать,— пусть отлучат от церкви и от всех святынь и пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо написано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, непослушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца дней своих, если прогневают отца или досадят матери. Кажется он себе праведным перед богом, но он хуже язычника, сообщник нечестивых, о которых пророк Исайя сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы господней». Он назвал нечестивыми тех, кто бесчестит родителей своих и еще насмехается над отцом и укоряет старость матери, пусть же склюют их вороны и сожрут орлы! Честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их господь бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое; утешающий мать свою волю божью творит и угождающий отцу в благости проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их

и о них заботьтесь, как и они о вас. Не говори много: «Оказал им добро одеждой и пищей и всем необходимым»,— этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь их породить и заботиться так, как они о тебе; вот почему со страхом служи им раболепно, тогда и сами от бога примете дар и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди его».

Сколько же в этом поучении несуетной глубокой мудрости житейской, христианской, уважения к личности человека... Сколько истинной поэзии и в то же время гражданственности в самом высоком понимании этого слова! Как верно подмечена и выражена связь настоящего с прошедшим и будущим. Да, будущее — наши дети и их отношение к родителям — зеркало отношений в обществе, сила или слабость государства.

КАК ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ РУКОДЕЛЬНИЧАТЬ

Рукодельничать — делать руками, мастерить, трудиться, производить. Удивительно, что еще тогда, четыре столетия назад, авторами «Домостроя», к категории высокой нравственности, причем в числе важнейших ее сторон, был отнесен труд честный, добросовестный, качество работы и количество произведенного. Беспощадно осуждались и предавались анафеме, даже объявлялись преступлениями такие явления, как (выражаясь современным языком) хищения, плохое качество изделий, приписки и т. д. и т. п. И многократно выше, чем сегодня, ценились обществом хорошая работа, отлично сработанная вещь, то ли одежда, то ли телега, то ли еда...

И, что примечательно, авторы «Домостроя» всячески подчеркивали огромную роль настроения, с которым ремесленник, домохозяйка, мастер, любой работник приступали к делу. Во время работы считалось кощунственным предаваться каким-либо посторонним мыслям, не связанным с ней. А говорить праздно во время работы — это причислялось к большому греху. Словом, трудиться надо с чистыми помыслами, осознанно, целеустремленно, со знанием дела и радостью.

Прочтите внимательно это поучение, сколь современно оно.

«В домовитом хозяйстве и всюду всякому человеку, хозяину и хозяйке, или сыну и дочери, или слуге — мужчине или женщине, и старому и малому всякое дело начать или рукодельничать: или есть, или пить, или еду готовить, или печь что, и разные припасы делать, и всякое рукоделие исполнять, и всякое ремесло, и, приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю, а в болезни — только до пояса, а кто может правильно молитву сказать,

тот, благословясь у старшего и молитву иисусову проговорит да, перекрестясь, молвит: «Господи, благослови, отче!» — с тем и начать всякое дело, ибо ему божья милость сопутствует, ангелы невидимо помогают, а бесы исчезнут, и дело такое богу в почет, а душе на пользу. А есть и пить с благодарностью будет сладко; что впрок сделано, то мило, делать же с молитвой и с доброй беседой или в молчании, а если во время дела какого раздастся слово праздное, или непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством, или скверные и блудливые речи,— от такого дела и от такой беседы божья милость отступит, ангелы отойдут в скорби, и возрадуются нечестивые бесы, видя, что волю их исполняют безумные христиане; и приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу и всякую вражду и ненависть, и подвигают мысли на блуд, и на гнев, и на всякое кощунство, и сквернословие, и на всякое прочее зло,— и вот уже дело, еда или питье не спорятся, и всякое ремесло и любое рукоделие не с богом свершается, а богу во гнев, ибо и людям неблагословенное не нужно и не мило, да и непрочно оно, а еда и питье не вкусны и не сладки, и только дьяволу да слугам его все то и удобно, и сладко, и радостно. А кто в еде и в каком рукоделье нечисто готовит и в ремесле каком украдет что или соврет, и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет,— так и такие дела не угодны богу, и тогда их запишут на себя бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда».

Читатель-атеист! Не торопись отмахиваться от «бесов», «лукавых», «Страшного суда»... Отнесись к этим словам и на этот раз как к иносказанию. Разве всякие посещающие нас мысли во время работы помогают справляться с ней лучше, быстрее, трудиться с желанием? Вот то-то и оно! Легче, лучше, быстрее работается, когда ты весь в труде — и душой и телом! И разве не от «лукавого» мысли, которые мешают работать? И не случалось ли нам наблюдать, как начальник иной, а то и простой работник «божатся ложно», приписывая к своим отчетам то, чего никогда не делали? Но кто работает сейчас так, как поучали когда-то мудрые люди наших бабушек и дедушек? Увы, сегодня далеко не каждый может сказать, что пища ему вкусна и одежда приятна, потому что заработана трудом хотя и нелегким, но добросовестным. Да и как-то не принято говорить сегодня об этом. Горько, но приходится признать, что нынче для многих живущих в наше нелегкое время главной целью стали деньги, вещи... Получать побольше, чем сосед, доставать то, чего нет у него...— в этом многие видят основу своего имиджа, престижа.

Конечно, всем нам хочется жить в достатке и комфорте, но ведь для этого надо всем нам соответственно хорошо трудиться, другого способа превратить наше общество в богатое и цивилизованное, увы, нет.

Так что, перевелись у нас мастера, добросовестные, честные работники? — спросит читатель.

Вовсе нет. Есть у нас и мастера, что называется «от бога», есть и немало честных, порядочных, отвечающих за свое дело рабочих. А интеллигенция наша, ученые не менее талантливы, чем американские или японские... Иначе мы не могли бы успешно соперничать с ними в космосе, выпускать обрабатывающие центры, которые покупают десятки развитых стран, создавать уникальные самолеты, приборы и автомобили, да при общей отсталости не только самолето- и автомобилестроения, но и машиностроения в целом. Значит, можем, значит, есть у нас потенциалы творчества, ответственности, честности. И очень важно сохранить, приумножить, возродить высоконравственное отношение к труду, друг к другу, к обществу в целом... Потому что дальше опускаться мы не можем, не имеем права, дальше пропасть, из которой нам просто не выбраться...

Об этом можно судить по судьбе урожая 1990 года. По общим оценкам поля наши уродили столько зерна, овощей, сахарной свеклы и других культур, а сады — фруктов, что, собрав все эти дары, могли бы заполнить до отказа все хранилища, закрома, базы, прилавки магазинов, отменить все талоны, карточки, купоны... Но еще голодней стали мы жить. Что же случилось с урожаем? Увы, мы не сумели его собрать. Без малого (это по официальным источникам) треть осталась неубранной, потерянной при перевозках, сгнившей из-за нерадивого хранения. И вот эту треть, погибшую в результате всеобщего равнодушия, неразберихи, разгильдяйства, мы докупаем за рубежом, расплачиваясь золотом.

Что же случилось с великим российским пахарем? Оглянитесь назад лет на 50—70 и вы увидите, как вольное хлебопашество заменилось крепостным, вольные крестьяне стали невольными колхозниками, перестав быть истинными хозяевами земли. Но те, кто организовал раскрестьянивание страны, позаботились и о смене моральных и нравственных устоев села. Традиционные трудолюбие и ответственность за землю, за судьбу посеянного на ней и выращенного, бережливость и расчетливость, гордость, честность, достоинство хлебопашца, скотовода, все, на чем веками держалась русская деревня,— все было отринуто и заменено идеей стирания граней между городом и деревней, коллективного труда, коллективной собственности, коллективной ответственности. И только сейчас спохватились наши новые руководители — нужно возвращать крестьянину землю, а вместе с ней и личную ответственность, заинтересованность.

Российский парламент принял закон о крестьянском фермерском хозяйстве и выделил средства для создания 250 тысяч фермерских хозяйств.

И вот уже потянулись люди к земле, впрочем многие пытались стать хозяевами, фермерами, арендаторами гораздо раньше. Вот что рассказывает А. М. Ежиков, первый на Ярославщине фермер:

«За двадцать лет я прошел путь от бурового мастера до главного механика управления в Сибири на нефтепромыслах. Восемь лет назад купили мы с женой домик на окраине Ярославля. По состоянию здоровья мне нужно питаться свежими продуктами. Вот и завели мы кроликов, корову. Аппетит, говорят, приходит во время еды. Возникла идея заняться овцеводством. Но первую отару пришлось пустить под нож. После 1985 года запретов стало меньше... Сейчас я имею свой счет в банке, печать. Никто мной не командует. Продаю овец живым весом и только по государственным закупочным ценам...

У меня все свое. Взял кредит в банке и купил по госцене самосвал, два трактора, грузовик, «Жигули», «Запорожец». Я свободен экономически, а следовательно, и политически. Долг банку выплатил — за год. Работаем с женой от зари до зари, часов по 16. Этим летом у нас было 300 овец, 200 сдали государству, 60 овцематок и по 40 ярок оставили на зиму для пополнения отары. Есть еще две коровы, кабан, 14 подсвинков, куры. Помогают два сына. Работают директорами школ в соседних селах. Теперь сами стали арендаторами...»

Фермер говорит лишь о своем, а чувствуется за его словами большая моральная сила, нравственная убежденность в правоте начатого дела, жизненной позиции. И всего-то нужно для возрождения русского крестьянства — доверие и понимание его забот и не мешать сельскому труженику возвращаться на родную землю ее хозяином.

ПОХВАЛА ЖЕНАМ

Авторы «Домостроя» отнюдь не стремились закрепостить женщину, сделать ее бессловесной рабыней мужа, «каторжной» семьи. А ведь именно в этом обвиняли их революционные демократы XIX века. И мы верили им на слово. Но почти никто из нас не держал в руках этот «Домострой». А там есть наряду с перечислением обязанностей жены, дочери, работницы, в основе которых труд в семье неустанный, и повиновение мужу, отцу, хозяину, и ответственность матерей за детей своих и ведение хозяйства (а можно ли без всего этого достичь благополучия семьи?), так вот есть наряду со всем этим особая глава — «Похвала женам». Это, по сути, маленькая поэма в прозе, пронизанная любовью к женщине, признанием ее доброго вдохновляющего и созидающего начала семьи и общества. Вчитайтесь в эти строки:

«Если дарует бог жену добрую, получше то камня драгоценного; такая из выгоды не оставит, всегда хорошую жизнь устроит своему мужу. Собрав шерсть и лен, сделай что нужно руками своими, будь как корабль торговый: издалека вбирает в себя богатства и возникает из ночи; и даст она пищу дома и дело служанкам, от плодов своих рук увеличит достояние намного; препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело и чад своих поучает, как и рабов, и не угаснет светильник ее всю ночь; руки свои протягивает к прялке, а персты ее берутся за веретено, милость обращает на убогого и плоды трудов подает нищим,— не беспокоится о доме муж ее; самые разные одежды расшитые сделает мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И потому всегда ее муж соберется с вельможами и сядет, всеми друзьями почтен, и, мудро беседуя, знает, как делать добро, ибо никто без труда не увенчан. Если доброй женою муж благословен, число дней его жизни удвоится, хорошая жена радует мужа своего и наполнит миром лета его; хорошая жена да будет благою наградой тем, кто боится бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив божию заповедь, благословится богом, а во-вторых, славится и людьми. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая — венец своему мужу, коли обрел муж жену свою добрую — только хорошее выносит из дома своего; благословен муж такой жены и года свои проживут они в добром мире. За хорошую жену похвала мужу и честь».

Конечно, нельзя механически переносить законы жизни семьи того времени на нашу современную почву. Уже в конце прошлого века российская интеллигенция, начав борьбу за эмансипацию женщин, обличала общество, узаконившее неравноправие, отчуждение женщин от общественно полезных дел и т. д. Но согласитесь, в основе своей «Похвала женам» воздает должное женщине как хозяйке дома, хранительнице очага и добродетели в семье, верной помощнице и другу мужу.

Однако, отстаивая свободу женщины, ее самостоятельность, независимость, равноправие в обществе, «пригвоздив к позорному столбу «Домострой», мы не сумели, а скорее всего не стали отделять «зерно от плевел». А нужно было разобраться самым внимательным образом, что же в нем во вред, а что и на пользу. Ведь люди прошлого, выросшие в крепкой домостроевской семье, были нравственно сильнее, мужественнее, убежденнее, более сознательно относились к своим семейным обязанностям и гражданскому долгу. В истории государства Российского убедительных тому примеров великое множество.

Среди огромного количества мемуарной литературы записки княжны Натальи Борисовны Долгоруковой занимают особое место. Сегодня их читают лишь историки, а у молодых людей прош-

лого века эта книга пользовалась чрезвычайной популярностью. Наташа родилась в 1714 году, пяти лет осталась без отца, получила блестящее образование. Когда ей исполнилось шестнадцать, увидал ее Иван Алексеевич Долгоруков и полюбил. Был он человеком незаурядного ума, потому и приблизил его к себе царь, и ожидала его карьера государственного деятеля высокого ранга. В двадцать два года он имел один из высших орденов России Андрея Первозванного.

Любовь была взаимной, первой и последней оказалась для обоих. В приготовлении к свадьбе участвовала вся императорская семья.

«Казалось мне тогда по моему молодоумию,— вспоминала в своих записках Н. Долгорукова,— что все это прочно и на целый век будет; а того не знала, что в здешнем свете ничего нет прочного... Это мое благополучие и веселие долго ль продолжалось? Не более как от декабря 24 дня по 18 января... за двадцать шесть дней благополучных или, сказать, радостных сорок лет по сей день стражду...»

А произошло вот что. Внезапно скончался император Петр II. На троне воцарилась Анна Иоановна. Ее фаворит Бирон, ненавидя русских и все русское, в числе многих преданных Петру II людей стал преследовать и семью Долгоруковых.

Родственники уговаривали княгиню Наталью отказать жениху. Но Наташа решила по-своему: «Я такому бессовестному совету согласиться не могла; а так положила свое намерение, когда сердце одному отдав жить или умереть вместе, а другому уже нет участия в моей любви. Я не имела такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра другого...»

Она обвенчалась с Долгоруковым. Но никакой свадьбы не было. Бирон сослал молодого князя в г. Березов Тобольской губернии. Жили в курной избе, ели на оловянной посуде деревянными ложками. Зарабатывали на жизнь вышивкой икон шелком. Держали во дворе уток и гусей. Спустя восемь лет Долгорукова разлучают с женой, сажают в камеру, и видеть мужа Наташа могла, лишь когда передавала пищу. В то время на руках у нее были два сына. Старшему шел седьмой, а младшему не было и года.

В августе 1738 года Ивана Алексеевича казнили в Новгороде. Мужу и жене не позволили даже проститься.

«Что я делала? Кричала, билась, волосы на себе драла... а только взяли меня и посадили в темнице и часового, примкнувши штык, поставили...»

Лишь через два года разрешили Наталье Борисовне покинуть острог. Вместе с детьми в нужде и унижении она переезжала с места на место, пользуясь добрым отношением многих простых людей. Она учила сыновей чтению и письму, языку и музыке. Определила старшего на место, а с младшим отправилась в Киев. Там она по-

стриглась в монахини под именем Нектарии. Перед ритуалом пострижения она пришла на крутой берег Днепра и бросила в воду обручальное кольцо.

Такова история, которая имеет к «Домострою» самое непосредственное отношение, потому что не было в ту пору семьи знатной или простой, где бы не следовали его поучениям, традициям и опыту русского православного общества.

Может быть, мы сильно преувеличиваем роль «Домостроя» и представляем себе семейные отношения в прошлом более радужными, чем они существовали на самом деле? Ведь были семьи и несчастливые, несчастливые мужья и жены, чей брак был предопределен то ли родителями, то ли стечением иных обстоятельств, и когда, муж или жена, находили своего истинно суженого или суженую — оказывались в тупике. Закон не предусматривал разводов, разве что в случаях исключительных.

Да, нельзя разрушать семью, но если человек полюбил безоглядно, трепетно, если сердце, разум, все помыслы и мечты подчинены этому сильному чувству, если любовь эта взаимна..? А как быть с детьми, которые должны расплачиваться за новое счастье отца или матери? Как сложится судьба другой взрослой половины семьи, разрушенной?

Однозначно ответить на эти вопросы нельзя, не найдешь их и у самых мудрейших. Вот почему каждая семья, попавшая в такую сложную ситуацию, решает ее по-своему, в зависимости от уровня культуры, нравственности, наконец, характеров супругов. Нет в современном обществе законов, обязывающих людей жить вместе по принуждению, вопреки их воле и желаниям. Все это так. И тем не менее вдумайтесь в эти пугающие цифры: в стране, по данным за 1988 г., на каждую тысячу человек приходилось 9,4 браков и 3,3 разводов и, как следствие, на 1000 разводов 816,3 детей, оставшихся без одного из родителей. Это означает, что в 1988 г. таких мальчишек и девчонок оказалось на 775 318 больше. Что и говорить — печальная статистика.

Наводят на невеселые раздумья и цифры, характеризующие количество разводов при продолжительности браков:

5—9 лет	— 257 928
10—14 лет	— 146 344
20 лет и выше	— 114 917

Конечно, современная семья далеко ушла от домостроевского времени. И не тот сегодня мужчина, он отнюдь не единственный кормилец, радетель, рыцарь семьи. Не та и женщина — эмансипированная, деловая, независимая, не лишенная здорового честолюбия. Это она зачастую кормит и одевает, заботится и защищает семью. Не забудем притом, что в народном хозяйстве трудится

свыше 59 миллионов женщин, т. е. больше, чем мужчин, а в особо тяжелых и вредных производствах женщины составляют 14%.

Хорошо это для семьи, общества или нет? Видимо, участие большинства представительниц «слабого пола» в экономике страны процесс объективный, результат развития цивилизации на этом ее витке. Но, увы, на состоянии семьи эта закономерность отражается пока что негативно.

Конечно, на положение семьи влияют прежде всего социальные условия ее обитания, уровень материального обеспечения, а они, увы, за последние годы приобрели особенно неблагоприятные тенденции.

Подлинной трагедией семьи, особенно для женщины, стали очереди. Для того чтобы запастись необходимыми продуктами питания, предметами первой необходимости, приходится ежедневно проводить в очередях целые часы. Иная наша независимая деловая женщина, преодолев многочисленные спринтерские маршруты в магазины, универмаги, детские сады, пройдя через «все круги» нашего общественного транспорта, добравшись, наконец, до дома с переполненными сумками, уставшая до бесконечности, да еще вынужденная простоять после всех этих испытаний (впору назвать их космическими) возле плиты, подумает в сердцах: «А так ли плох был домострой?»

НАКАЗ МУЖУ, И ЖЕНЕ, И РАБОТНИКАМ, И ДЕТЯМ, КАК ПОДОБАЕТ ИМ ЖИТЬ

«Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам — не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовию принимать и подобного безрассудства избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен, за это от бога награду получишь. А домочадцев своих учи страху божию и всякой добродетели, и сам то же делай, и вместе от бога получите милость. Если же небрежением и нерадением сам или жена, наставлением мужа обделенная, согрешит или что нехорошее сотворит, и все домочадцы, мужчины и женщины, и дети, хозяйского наставления не имея, грех какой или зло совершат: или ругань, или воровство, или блуд,— все вместе по делам своим примут; зло сотворившие — му́ку веч-

ную, а добро сотворившие, угодно богу прожившие,— жизнь вечную получат в царствии небесном».

Как видим, речь в этом наказе идет о честности в самом широком и конкретном смысле этого понятия. Честность — величайшее из достоинств человека, какое бы положение в обществе он не занимал,— стала сегодня весьма уязвимым местом в характере и поведении современного обывателя, стремящегося к обладанию всеми благами цивилизации и не останавливающегося в этом всепоглощающем стремлении не только перед нравственными преградами, но и попирая, зачастую, законы, преодолевая даже страх перед расплатой за совершаемое преступление.

Честность стала, пожалуй, главным иммунодефицитом морали и нравственности нашего тяжело больного общества. Вчитайтесь в запреты «Домостроя», эти очищающие нравственность «табу», которых большинство наших предков свято придерживались: «не красть, не лгать, не клеветать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать...»

Иной читатель, наверное, улыбнется, пробегая глазами эти строки: «Боже, да ведь нынче брось яблоко и попадешь в человека то ли злого, то ли бесчестного, то ли завистливого... сколько же их сегодня и куда подевались честные?»

Да, у нас в стране растет преступность, причем все больше совершается не просто бесчестных поступков, а опасных преступлений, наносящих обществу огромный моральный и материальный ущерб, угрожающих самой жизни людей.

Ну, а сколько у нас «несунов», тех, кого всегда откровенно называли ворами, но для которых из-за своей стыдливости «номенклатура» времен застоя и изобрела эдакий «тонкий» неологизм «несун». Так сколько их, этих несунов,— сотни, тысячи, миллионы? Да, хищения стали для многих нормой поведения, а для страны обернулись поистине национальным бедствием.

Долгое время нам вдалбливали в головы, что в нашей стране все общее, что частный владелец — злостный эксплуататор, что тот, кто много зарабатывает, либо рвач, либо «теневик», либо жулик, и потому враг... так что же мы хотим? Отсюда отсутствие уважения к чужой собственности, к результатам чужого труда, отсюда бесхозяйственность и безответственность... И растаскивают по мелочам, а если кому и повезет и если кто может, то и по крупному на миллионы и миллиарды рублей «ничейного» добра.

Специалисты утверждают, что в основе любого преступления лежит искривленная нравственность. Конечно, в нашем обществе многое неустойчиво. Нас всех воспитывали на слепой вере в непогрешимость основоположников и практиков. А некоторые из них прилюдно обещали светлое будущее уж если не нашим дедам и отцам, то нам непременно! И мы, соответственно и стар, и млад, верили

в это. Нам внушали: «Слушайся вождей — будешь достойным членом нового общества!», «Все прошлое — сплошь родимые пятна капитализма!», «Раз мы против капитализма — у нас все должно быть не так!»

И мы старались, отрицая исторический опыт, знания, традиции, культуру. Вместо умения размышлять над прошлым и настоящим, учиться восхищаться вечной красотой истинного искусства, уважать каждый талант, ценить способности, подражать воистину мудрым, отважным и честным, нас с детства учили ходить колоннами под шелест алых знамен и барабанный бой. Мы взрослели, не усвоив глубоко многих прописных для всего цивилизованного человека истин. Мы вырастали «стойкими борцами за дело»... И нам чужды были, как многие сегодня говорят, «общечеловеческие ценности». Мы смотрели на мир с классовых позиций, а многие и сегодня продолжают смотреть с высоты этой одинокой башни, не замечая, что она опасно наклонилась, что фундамент ее, подмытый потоками вешних вод, разрушается.

Нет, мы знали с детства, чего нельзя делать, но знание это не переросло в убеждение, потому что не было веры, той всесильной охватывающей душу и разум, какую давала, например, религия.

К сожалению, иного, чтобы равноценно заменило ее после отторжения и разрушения и предания всенародному проклятию, не было. И молодое поколение наших современников все больше обращается к «Библии», «Евангелию», «Домострою», ставшими самыми популярными изданиями в последние годы.

О НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ. О ПРАВЕДНОМ ЖИТИИ

На эти два поучения хотелось бы обратить внимание читателей особо, поскольку они весьма подробно делят все поступки человеческие на неправедные, т. е. такие, какие должны считаться недостойными, а переводя на наш современный энергичный язык, незаконными, преступными, осуждаемыми обществом, и наоборот, на праведные, находящиеся в согласии с установленными обществом правилами. Итак, что же наши предки подразумевали под жизнью неправедной, что считали, с точки зрения христианской религии, «не божеским», «греховным»?

«А кто не по-божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем изобидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекосил, или переловил всю рыбу в чужом садке,

или борти, или перевесище и всякие ловчие угодья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие угодья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает, или корчемной прибылью, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве,— сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, в том не возбраняют им и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них,— обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к богу...»

Вдумайтесь в слова этой заповеди, читатель! Не покажется ли вам, что авторы «Домостроя», может быть, сами того не ведая, разработали основы системы правовой защиты общества, своеобразный кодекс гуманного и справедливого отношения между людьми, объявляющего вне закона все, что во вред людям. И не пример ли это для нас, ныне живущих, так стремящихся к правовому устройству общества.

Вы, наверное, обратили внимание, что многие запреты, а значит, признание неблаговидности или преступности тех или иных конкретных деяний, прямо и непосредственно относятся к власть имущим: чиновникам, землевладельцам, сельским и городским богатеям, служивым людям, призванным отстаивать правосудие и т. п. И этим подчеркивается, что именно они чаще, чем остальные, нарушают не только христианские нормы морали и нравственности, но и законы, установленные государством. С этих позиций заповеди можно рассматривать как жесткую нелицеприятную критику существовавшей тогда практики общественных отношений. Причем обратите внимание, раскрывались пороки, которыми уже тогда страдало общество. Это ли не оппозиция Ивану Грозному да и другим государям, властвовавшим на Руси многие столетия, но ни один из них не помышлял о запрете «Домостроя», потому что видел в нем то главное, что важнее критики и укоров,— воспитание в людях, поддержание в обществе твердых моральных и нравственных устоев.

Сколько минуло лет, какие усилия затрачены, сколько блестящих умов, выдающихся личностей трудились, чтобы избавиться

от «всяческой неправды и насилия, зла и равнодушия»... Социальные революции потрясали основы общества, провозглашали равенство, свободу, справедливость и братство, но так и не сумели общими усилиями миллионов людей избавиться от неправедных способов существования части общества, не смогли очиститься от всего, что человечество без устали осуждает на протяжении всей своей истории.

Так что и как противопоставить захлестнувшему нас бескультурью, стяжательству, хамству?

К великому сожалению, мы вынуждены констатировать, что четкой программы борьбы со всем этим злом у государства нет. И здесь, думается, мы могли бы многое позаимствовать у «Домостроя». По крайней мере, его авторы просто и ясно излагают правила «праведного жития». Заметим, это не досужий вымысел, а обобщение опыта и традиций, присущих русской семье, русскому обществу. Итак, «О праведном житии, если кто по-божески живет, и по заповедям господним, и по отеческому преданию, и по христианскому закону и если владетель судит справедливо и нелицеприятно всех одинаково — богатого и бедного, ближнего и дальнего, то удовлетворены будут сборами справедливыми, и так поступать». Вот такое пространное название. А теперь содержание:

«Если же в селах, а также и в городах и по соседству кто добр, то у своих крестьян или в силу власти, в приказе сидя, законные сборы в нужное время взимает не силою, и не грабежом, и не мучением; а коль чего не родилось и заплатить нечем, так он немного послабит; а у соседа или у своего крестьянина чего не достало на семена, лошади или коровы нет или господскую подать не с чего сдать, то ему ссудить и помочь, а коль и у самого мало, то занять, но о таких позаботиться от души и от всякого обидчика уберечь их в суде, да самому тебе и людям твоим отнюдь никого и ни в чем не обидеть: ни в пашне, ни в земле, ни в домашнем, ни в ином припасе, ни в животине, никакого неправедного богатства не желать, законными доходами и праведным богатством жить подобает всякому христианину. И, видя ваши добрые дела, и такую милость, и нелицеприятную любовь ко всем, и правду во всем, пошлет вам бог щедрую милость и урожай плодами и всякий достаток умножит; милостыня же от праведных трудов и богу приятна, и бог молитву вашу услышит, грехи простит и жизнь вечную дарует».

Думается, все, о чем говорится в этом наставлении, вряд ли нуждается в комментарии. Но, читая эти строки, припоминается мне спор с одним уважаемым коллегой по работе: «Да все это давным-давно устарело,— с жаром говорил он,— какой-то анахронизм, идеализм проповедуешь, донкихотов в героев нашего времени превращаешь... Других тем что ли нет, более важных, актуальных...» Но никак нельзя согласиться с такой позицией. Ведь вся-то и беда

в том, что именно увлеченных, романтически воспринимающих действительность идеалистов, способных отрешиться от сугубо личных интересов и пойти, что называется «ва-банк» ради интересов других.., разве не этих людей нам сегодня так не хватает? Разве не потому мы разочарованы в наших Советах, в наших «руководящих инстанциях», что редко, слишком редко встречаются там такие люди! Донкихоты, идеалисты, романтики, по-моему, в наше, уж слишком прагматичное, время эти люди спасают мир: Николай Вавилов и Войно-Ясенецкий, Сахаров и Солженицын, Бродский и Коржавин...

О таком человеке, не очень известном, у меня хранится память — цветная фотография его да запись в блокноте: «Люди должны в тебе нуждаться...» Эти слова принадлежат Алексею Никифоровичу Акимову, бывшему несколько лет назад председателем колхоза «Светлый путь» Скопинского района Рязанской области, кавалеру двух орденов Ленина.

Встреча эта состоялась несколько лет назад, в колхозе, где он избирался односельчанами на председательский пост неизменно в течение 33 лет.

«Председательство мое,— рассказывал тогда Акимов,— началось необычно.— Когда я после войны приехал в родное село и привез из Москвы,— а я там уже устроился на работу,— батон белого хлеба, он так и остался лежать нетронутым на обеденном столе. Люди только смотрели на него, потому что был он тогда в деревне в диковинку. Хлеб в ту пору на селе пекли, добавляя в муку отруби и даже лебеду. Село было полуразрушено, хозяйство вконец разорено.

Первую ночь я не спал, нет, я не горевал, что увидел родную сторонку такой неприглядной... я мечтал о пышном белом каравае в каждом сельском доме... Мне виделись крепкие белокаменные здания, утопающие в садах, я представлял, как на месте заболоченной балки, что за селом, шумит бор, а на месте оврагов плещутся озера... А утром я подумал: да ведь на это уйдет вся жизнь моя... и остался.

Когда выбрали меня председателем, я вместо речи поведал односельчанам о своей мечте. Помню скептические улыбки земляков, а кто-то откровенно в сердцах сказал: «Ну, ты даешь, председатель!»

Конечно, трудно было поверить, что можно чего-то путного добиться на этой земле. Урожаи не превышали 7—8 центнеров с гектара, «курям на смех». От животноводства одни убытки получали... Словом, начинать нужно было с нуля! А главная неприятность — все привыкли к своему нищенству, вроде бы так и надо...

Помнится, была горячая пора — уборка кукурузы. На собрании постановили — работать и в воскресенье, а на поле в этот день

вышли только члены правления. Все село по обычаю отправилось в райцентр на базар. К вечеру возвращаюсь я со станции на грузовиках (за лесом ездил), встречаю своих колхозников, бредут из города и глаза прячут. Остановил я машину и говорю им: «Садитесь, земляки!» На другой день все работали с восхода и до заката. И в следующее воскресенье никто в райцентр не поехал, все вышли в поле.

Я всегда стараюсь разбудить в человеке все, что ни на есть у него доброго, хорошего. Ведь для руководителя в этом плане что главное? Уважать достоинство каждой личности, не унижать человека ни при каких обстоятельствах. Если я не прав — извинюсь. Если кто-то не прав — объясню. Но свои распоряжения дважды не повторяю. Каждый должен отвечать за свою работу. И еще очень важно быть справедливым. Люди простят все и за наказание не обидятся, если к ним по справедливости».

Не в мечтах, а наяву стоит сегодня белокаменный колхозный поселок «Светлый путь». В домах, как в городе,— все удобства. На месте гнилой балки шумит зеленый бор — место колхозных праздников и отдыха. А в бывших оврагах плещутся озера.

Но, увы, вскоре после нашей встречи Алексей Никифорович тяжело заболел. А недавно узнал, что ушел он из жизни.

Не стало еще одного донкихота, кстати, так его называли друзья, но называли с гордостью, без укора. Свои убеждения, свое понимание жизни и долга он передал сыну, землякам, а те своим детям, и потому жить Алексей Никифорович в делах и помыслах своих односельчан будет всегда.

КАК ДОМ СВОЙ ЛУЧШЕ УСТРОИТЬ. КАК ПОРЯДОК В ИЗБЕ НАВЕСТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Название этой части нашей работы мы заимствовали из заголовков двух поучений. В них авторы обобщают традиции домоводства, определяют порядок, каким он должен быть в каждом доме, каковы обязанности мужа, жены, детей, работников, их взаимоотношения, естественно, исходя из сложившегося тогда уклада русской православной семьи. «Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить... Поднявшись с постели, умывшись и помолясь, женкам и девкам работу указать на день, каждой — свое: кому дневную пищу варить, а кому хлебы печь ситные и решетные,— да и сама бы хозяйка знала, как муку сеять, как квашню затворить и замесить и хлебы скатать и испечь: и кислые, и пышные, и выпеченные, а также калачи и пироги; да знала бы,

сколько муки возьмут, и сколько испекут, и сколько чего получится из четверти, или из осьми, или из решета, и сколько высевков отойдет, и сколько испекут,— меру знать во всем. А еду мясную и рыбную, и всякие пироги, и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие блюда печь и варить,— все бы сама хозяйка умела, чтобы и всех слуг научить... А когда хлебы пекут, того же теста велеть отложить и пироги начинить; и если пшеничный пекут, то из обсевков велеть пирогов наделать, в скоромные дни со скоромной начинкой, какая случится, а в постные дни с кашей, или с горохом, или со сладким, или репу, или грибы, или рыжики, или капусту,— что бог подаст, все семье в утешенье...»

Ну а как порядок в избе навести?

«Стол, и блюда, и поставцы, и ложки, и всякие сосуды, и ковши, и братины, воды согрев, с утра перемыть и вытереть и высушить, и после обеда также, и вечером; а ведра и ночвы, и квашни и корыта, и сита и решета, и горшки и кувшины, и корчаги также вымыть всегда, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет удобно хранить... Избу, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенях, и на крыльце — все вымыть и вытереть, и вымести и выскрести, и всегда бы было чисто; и лестницы, и нижнее крыльцо — все бы было вымыто, и выскоблено, и вытерто, и выметено... и в сенях перед дверями рогожку или ветхий войлок положить или тряпку — вытирать грязные ноги, чтобы в плохую погоду полов не пачкать... Вот потому-то у добрых людей, у хозяйственной жены дом всегда чист и устроен,— все как следует припрятано, где что нужно, и вычищено, и подметено всегда; в такой порядок как в рай войти. За всем тем и за любым обиходом жена бы следила сама да учила слуг и детей и добром и лихом: а не понимает слова, так того и поколотить; а увидит муж, что у жены непорядок и у слуг, или не так все, как в этой книге изложено, умел бы свою жену наставлять да учить полезным советом... но при этом ни мужу на жену не гневаться, ни жене на мужа — всегда жить в любви и в согласии».

Вы, наверное, обратили внимание, как подробно, я бы сказал, с истинным удовольствием и знанием авторы «Домостроя» описывают не только, что должна делать женщина в доме, но и как, с помощью чего. Вы, наверное, с удивлением обнаружили, что среди перечисленной домашней утвари и половины не знаете и не слышали раньше, и не знаете, для чего она была нужна. А с какой педантичностью и последовательностью поучают они хозяйку, что и в каких случаях надлежит ей делать. Кстати, в предыдущих поучениях рассказывается, как надо готовить пищу, когда мясную, когда постную, как варить пиво и т. п.

И это понять можно, ведь женщина еще совсем недавно, лет 70 назад, была в основном домохозяйкой и только. Лишь незна-

хоть и была книга в V доме ее не воспринимали как учебник - сами знали

чительная часть горожанок работала. Правда, на селе женщина испокон веку трудилась и в поле, и за скотом ухаживала, и домашнее хозяйство вела. И все же у большинства забота о доме, пище, уюте, порядке была наиглавнейшей. Нужно сказать, что для этого у нее было гораздо больше возможностей и условия, зачастую, были более благоприятные, чем у современной женщины.

Прежде всего были дом или квартира, достаточно просторные, которые можно было уютно обставить (уютно, по понятиям того времени,— естественно). Содержать в чистоте и порядке помещения, одежду, всякую утварь. Вот почему и жена, и дочь, и все женщины во многих семьях умели вкусно и разнообразно готовить всякие кушания, о которых мы даже и не слышали, а только читали у классиков, умели встречать гостей и занимать их. А в домах побогаче угощали столь хлебосольно, что даже привыкшие к обильным обедам и ужинам бедные желудки гостей не всегда выдерживали, и тогда им опять же советовали что-нибудь выпить: медку ли свежего, узвару ли душистого, а может быть, настоечку терпкую на травах... (помните, как это необыкновенно ярко описывает Гоголь). Но можно ли сегодня предъявлять подобные требования к нашей современнице? И способна ли она быть полноценной хозяйкой в наших условиях, когда прилавки магазинов пусты, а на рынках такие цены, что и зарплаты не хватит, чтобы накрыть приличный стол для гостей?

Справедливо даже в иной плоскости поставить вопрос. А согласится ли современная женщина ограничить себя лишь семейными заботами? Естественно, со всеми вытекающими отсюда не очень простыми обязанностями: создать уют при отсутствии необходимых атрибутов, таких как мебель, или держать в порядке хозяйство, опять же при отсутствии возможности приобрести где-либо кухонную утварь, а как приготовить пищу для семьи, не говоря уж о гостях, если ее можно достать, лишь выстояв в очередях чуть ли не весь рабочий день. Но даже если бы и было все в магазинах, не думаю, чтобы большинство женщин бросились в круговорот семейных дел, оставив свои рабочие места в институтах, учреждениях, на производстве... Думается, и общество бы воспротивилось. Посудите сами, сегодня среди специалистов народного хозяйства, людей с высшим и специальным средним образованием женщины составляют в последнее время устойчиво около 60%. И это, кроме всего остального, говорит об очень высокой занятости женщин в общественном производстве. Да, женщины, если пользоваться этой цифрой, достигли практически социального равенства с мужчинами. Правда, как и все в нашем мире, и это утверждение относительно. Только 0,5 миллиона женщин руководят предприятиями и учреждениями, это примерно 3,3%. А дальше движение женщины по ступеням к руководящему «Олимпу» вообще прекращается.

В высших эшелонах управления государством, республиками, в руководстве партиями женщин очень мало. Хотя мы знаем многие развитые цивилизованные, демократические государства, где женщины возглавляют правительства, министерства и даже руководят обороной государств...

Но, несмотря на успехи в завоевании равноправия в обществе, в нашей советской семье все еще царит вопиющая несправедливость. Почти весь домашний труд традиционно лежит на женщине. Может ли она, образованная, квалифицированный специалист, занимающая часто более высокое общественное положение, чем муж, и зарабатывающая не меньше, смириться с этим? Именно так сегодня ставится вопрос!

И еще один аспект затронутой темы «Как дом свой лучше устроить». Прежде чем «устроить» дом, нужно для начала его иметь. Статистика России до 1913 года говорит, что абсолютное большинство сельского населения проживало в своих собственных домах, а городское в значительной степени являлось также домовладельцами или снимало квартиры, и лишь небольшое число рабочих, в основном холостяков, проживали в общежитиях. Причем статистика противоречит общепринятому мнению, что так называемые общежития были настоящими казармами, где спали вповалку на нарах. Это были достаточно благоустроенные помещения даже в сегодняшнем понимании этого слова. Конечно, встречались и хозяева, которые пытались экономить на рабочих, предоставляя им жалкие лачуги, но таких, опять же, как подтверждают очевидцы, было немного. Хозяин понимал, что неотдохнувший рабочий не может хорошо, производительно трудиться.

В этой связи хочется привести воспоминания Н. С. Хрущева, Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР в 50—60-е годы.

«Я женился в 1914 году двадцати лет от роду... Поскольку у меня была очень хорошая профессия (слесарь.—*Ред.*), я смог сразу же снять квартиру. В моей квартире была гостиная, кухня, спальня, столовая. Прошли годы после революции, мне больно думать, что я, рабочий, жил при капитализме в гораздо лучших условиях, чем живут рабочие при Советской власти. Вот мы свергли монархию, буржуазию, мы завоевали нашу свободу, а люди живут хуже, чем прежде. Неудивительно, что некоторые говорят: «Что же это за свобода? Вы обещали нам рай... Может быть, мы попадем в рай после смерти, только хотелось бы пожить получше на земле. Мы ведь не предъявляем каких-то особенных требований. Дайте нам угол, куда приткнуться...» Как слесарь в Донбассе до революции я зарабатывал 40—45 рублей в месяц. Черный хлеб стоил 2 копейки фунт, а белый — 5 копеек. Сало шло по 22 копейки за фунт, яйцо — копейка за штуку. Сапоги хорошего качества, вот такие, как на

мне сейчас, стоили 6, от силы 7 рублей. А после революции заработки понизились, и даже очень сильно, цены также сильно поднялись...»

Естественно, мы вправе были ожидать, что за 70 с лишним лет общество должно было стать несравненно материально богаче, духовно совершеннее, что и подтверждается опытом всех развитых государств. Однако с нашей страной этого не произошло. Хронической социальной болезнью общества стала нехватка жилья.

В этой связи хочу предложить вниманию читателя, может быть, несколько пространный, но весьма поучительный отрывок из интервью корреспондента «Литературной газеты» Л. Великановой с доктором технических наук, директором ЦНИИЭП жилища С. Николаевым, которое озаглавлено «Каждой семье — «здоровую квартиру».

КОРР.: Станислав Васильевич, насколько я знаю, специалисты ЦНИИЭП жилища принимали участие в выборочном социально-демографическом обследовании, которое показало, что, хотя темпы сооружения домов возросли, острота жилищной проблемы пока не снизилась. В то же время среди первоочередных социальных задач люди ставят обеспечение нормальных жилищных условий на второе место после снабжения продуктами питания.

НИКОЛАЕВ: В группе от 20 до 29 лет квартирная проблема заняла даже первое место. И это понятно. 15 процентов населения — чуть ли не каждый седьмой человек!— не имеет собственного жилья. Живут в общежитиях, ютятся по баракам, полуподвалам, частным квартирам.

Сюда же прибавляется и проблема качества жилища. В десятках городов, в пятистах поселках городского типа вовсе нет водопровода... В сельской местности уровень благоустройства еще ниже.

...А знаете ли вы, что жилищная проблема выходит далеко за рамки комфорта, уюта, домоводства и т. д.?

Так, ученые установили, что увеличение жилой площади на одного человека с 4 до 6 квадратных метров уменьшает болезни у детей до года на 10,7%, до пяти лет — на 12,3%. Там, где на человека приходятся не менее 7—9 квадратных метров, вдвое снижается количество сердечно-сосудистых и нервных заболеваний, в полтора раза чаще рождается второй ребенок. Но только когда на человека приходится 12—13 квадратных метров жилой площади или 20—21 общей площади, здоровье детей до 16 лет и людей старше 60 перестает страдать от недостатка жилого пространства. Заметим, в США на каждого человека приходится 40 квадратных метров жилой площади.

Конечно, в таких условиях трудно придерживаться совету авторов «Домостроя», как рачительно вести свое домашнее хозяйство.

И все же при всех трудностях, сложностях, непредсказуемости

нашего времени, нужно оставаться личностью, достойной называться «Homo sapiens». А как этому следовать, каким высоким требованиям нужно соответствовать, каких идеалов придерживаться — на эти и многие другие вопросы, возникающие у нас сегодня, думается, найти убедительные ответы можно в поучениях и наставлениях «Домостроя».

Здесь нельзя не высказать некоторых опасений, как бы наши рассуждения о жизни семьи в условиях нынешнего всеобщего дефицита как нравственного, так и материального, не добавили бы нашему настроению, и без того тревожному, излишнего пессимизма. Отнюдь не эту цель преследует автор. И все же нельзя не заметить, что наши предки умели хорошо работать, честно, с охотой, в полную силу своего таланта или способностей, чтобы иметь возможность утвердить трудом свое «я», показать «на людях», на что способен, что можешь (очень важный стимул, бытовавший в народе веками: «знай наших»), и заработать, конечно же, чтобы семье и самому «добытчику и кормильцу» можно было вкусно и вволю поесть и одеться сообразно привычке и вкусам...

Будем надеяться, что переживаемый нами процесс коренных преобразований, получивший название «перестройка», многое изменит в нашей жизни. Но для этого общество должно ясно видеть цель и трудиться «елико возможно» энергично, самозабвенно, проявляя «всякое мужество, долготерпение, настойчивость и волю», силы свои, разум и способности, труд каждодневный употреблять на укрепление демократических завоеваний, на достижение экономического и социально-духовного возрождения страны. По крайней мере, большинство общества живет такой надеждой.

В заключение предлагаем вам, дорогой читатель, завершающую главу «Домостроя», которая называется «Послание и наставление от отца к сыну». Это сердцевина, суть всего произведения. Автором ее признан священник Сильвестр. Мы не будем предпосылать или сопровождать послание своими комментариями. Читайте, думайте!

ПОСЛАНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ

Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему и единственному сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое! Послушай наставление отца твоего, родившего тебя и воспитавшего в добром поучении и в заповедях божьих, и страху божьему и божественному писанию научившего, и всякому закону христианскому, и заботам добрым, во всяких торговлях и во всех товарах всему научившего; и святительское благословение на себе несешь, и царское государя пожалование и государыни царицы, и братьев его, и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и со многими

иноземцами в большой торговле и в дружбе состоишь: все блага получил, так умей и делать по-божески. Все это начато нашим попечением, но и после нас сохранил бы тебя бог так же жить. И законным браком сочетал тебя от добрых родителей благодарную дочь, и благословил я тебя всякой святыней, и честными крестами, и святыми образами, и благословенным имением, которые все, я уверен, достались праведными трудами, и подтвердит это бог направляющий. Но теперь, сын Анфим, передаю тебя и препоручаю и оставляю создателю нашему доброму, хранителю Иисусу Христу и его матери, пречистой богородице и заступнице нашей, помощнице, и всем святым, как сказано в Писании: «Позаботься детей оставить наставленными в заповедях господних — и это лучше неправедного богатства: краше быть в праведном убожестве, нежели в неправедном богатстве». И ты, чадо, тоже берегись неправедного богатства и твори добрые дела, имей, чадо, великую веру в бога, все надежды возлагай на господа: ибо никто, уповая на Христа, не погибнет! Всегда с верою обращайся к святым божьим церквам, заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не пропусти и не пропивай вечерней и ночной молитвы, и службы в доме твоем всегда бы и всякий день велись: для каждого христианина это долг перед богом. Если сможешь, со временем по своему желанию увеличишь службу и тем большую милость от бога получишь; а в церкви божьей и дома во время службы и во всяком молении и самому, и жене, и детям, и домочадцам стоять, со страхом богу молиться и со вниманием слушать и никогда в то время ни о чем не беседовать, не оглядываться, разве что очень нужно; службу келейную или церковную вести согласно и чисто, а не вразнобой; священников и монахов почитай: они ведь слуги божии, трудами их очищаемся от грехов, они имеют власть молиться господу о наших грехах и склоняют бога к милости. Повинуйся, чадо, и жена твоя также отцу духовному и любому священнику во всяком духовном наставлении; в дом свой приглашай их помолиться о здравии царя-государя и царицы, и детей их, и братьев его, и за священников, и за монахов, и за всех христиан. И о своих согрешениях и о согрешениях своих домочадцев молебны совершай; и воду бы святили с животворящего креста и со святых мощей и с чудотворных образов. Во здравие елеем освящают больного в церквах божьих — так же и ты поступай: приходи с милостыней и с дарами во здравие, и преставившихся родителей поминай во всей чистоте, и сам будешь помянут богом. Церковников, и нищих, и маломощных, и бедных, и страдающих, и странников приглашай в дом свой и, как можешь, накорми, напои, и согрей, и милостыню давай от праведных своих трудов, ибо и в дому, и на рынке, и в пути очищаются тем все грехи: ведь они заступники перед богом за наши грехи. Имей, чадо, верную правду и любовь нелицеприятную ко всем, не

осуждай никого ни в чем, о своих грехах поразмысли, как их избыть; чего сам не любишь, того и другому не делай, и сохраняй чистоту телесную пуще всего да наступи на совесть свою, как на лютого ворога, и возненавидь, как милого и погибельного друга; от хмельного питья, господа ради, откажись, ибо пьянство — болезнь и все плохие поступки им порождаются. Если от этого сохранит тебя господь, все благое и нужное от бога получишь, и будешь почтен и людьми, и душе своей путь отворишь на всякие добрые дела. Вспомни, чадо, апостольское слово: не надейтесь — ни пьяница, ни блудник, ни прелюбодей, ни содомлянин, ни вор, ни разбойник, ни клеветник, ни убийца царства божьего не наследует! И если какая страсть тебя покорила, чадо, или в грех какой впал, с тем обратись к богу в искренней вере и к отцу духовному с горькими слезами, и оплачь грехи свои, и кайся по правде, что больше не станешь такого творить, поучение же отца духовного соблюдай и епитимью исполни: милостивый господь праведных любит, грешных милует, всех призывает к спасенью; и больше всего сбереги и сохрани себя в праведном христианском законе, удержи язык свой от злого и уста свои, чтобы не извергали лжи, храни себя от обмана, от похвальбы и от клеветы и сам ни в чем не заносись: унизь себя пуще всех людей — сподобишься славы божьей. Никого же, чадо, не презирай и во всякой нужде помни, как мы прожили век, никто не вышел из дома нашего голоден или печален, как могли, все нужное каждому человеку бога ради давали и печального словом вылечивали. Кому как можно, мы помогали бога ради и ссужали, как могли, и Христос нам невидимо в обилии посылал свою милость, всякие блага. И не помыслили мы никогда никому во зло, разве что по недомыслию, но без лукавства. Чадо, почитай монахов, и странники в доме твоем всегда бы кормились, также и в монастыри с милостыней и с кормом приходи, и заключенных в темницах, и убогих, и больных посещай, и милостыню посильно давай. И домочадцев своих одевай и корми в достатке, и жену свою люби, и в законе живи по заповеди господней: в воскресенье, и в среду, и в пятницу, и по праздникам господним и в Великий пост любви избегайте, живя добродетельно в посте, и в молитве, и в покаянии: жизнь по закону — во славу бога и ради вечного царства, а любодеев и прелюбодеев осудит бог. Что сам, чадо, делаешь, тому и жену учи, всякому страху божью, разному знанию, и ремеслу, и рукоделью, всяким делам, и домашнему обиходу, и всем порядкам: сама бы умела и печь, и варить, и любое дело домашнее знала, и всякое женское рукоделье умела,— когда сама все знает и умеет, сможет и детей и слуг всему научить, ко всему пристроить и наставить во всем. И сама бы хмельного питья никогда не любила, и дети и слуги у нее того не любили бы тоже, и никогда бы жена без рукоделья ни сама ни на час не оставалась, разве что заболеет, и слуги ее так-

же. Если же в гости пойдет или у ней гости, никогда бы сама пьяна не была, а с гостьями беседовала о рукоделье, и о домашнем хозяйстве, и о праведном христианском житии, а не насмешничала бы и не болтала ни с кем ничего; в гостях и дома песен бесовских, и всякого сквернословия, и блудливых речей, и грубых слов сама бы не произносила и того ни от кого бы не слушала и слуги ее также; и волхвов, и кудесников, и всяких заговоров не знала бы и в дом не пускала бы ни мужиков-колдунов, ни женок. Если же не понимает этого, сурово ее накажи, страхом спасая, но не гневайся на жену, а жена — на тебя. Поучай наедине, да, поучив, успокой, и пожалей, и приласкай ее, также и детей и домочадцев своих учи страху божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного суда. Если станете жить по нашему поучению и по этому написанию, великую благодать от бога получите и вечной жизни удостоитесь с домочадцами своими.

А еще держись, чадо, добрых людей всех чинов и званий и добрым делам подражай, внимай хорошим словам и исполни их. Почаще читай божественное писание и вложи его в сердце свое на пользу себе. Видел и сам, чадо, как в жизни этой жили мы во всяком благовении и в страхе божьем, и в простоте сердца, и в страхе и уважении к церкви, пользуясь всегда божественным писанием, и как были по божьей милости всеми мы почитаемы и всеми любимы, всякому в нужном угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, порочащим словом не осуждал никого, не насмехался, не укорял никого, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы бога ради терпели и винили себя, и потому становились враги друзьями. А если какою виною душевной или телесной согрешил я пред богом и перед людьми, тотчас о том я винился пред богом за грех свой и отцу своему духовному каялся со слезами и с сокрушением прося прощения, духовные его наставления с признательностью исполнял, что бы он ни повелел. И если кто в моем прегрешении или в каком невежестве меня уличит, или кто духовно наставит, или кто с насмешкой поносит меня и укоряет,— так все благодарно я принимал, если то было правдой, и каялся в том, и от дел таковых удалялся, если бог помогал мне. Если в чем и не повинен и не справедлива молва и брань, или насмешка какая, или укоризна, или удары,— все равно я во всем повинился, не оправдываясь перед людьми, и праведным своим милосердием бог восстановит правду. Вспоминал я слова Евангелия: «Любите врагов ваших, делайте добро ненавидящим вас, благословите клянущих вас, молитесь за творящих вам пакости, вас изгоняющих, ударяющему тебя по щеке подставь и вторую щеку, и не препятствуй отнимающему у тебя одежду твою и сорочку, и каждому, просящему у тебя, подай, у отнимающего твое не востребуй, а если кто попросит тебя пройти один переход,— пройди с ним два», и припоминая при том и

молитву у причастия: «Господи мой, дай ты милость ненавидящим меня, и враждующим со мною, и поносящим меня, также и клевещущим на меня, пусть никто никогда из них из-за меня, нечистого и грешного, от зла не постарадает ни в нынешнем, ни в будущем веке, но очисть их милостью своею и покрой их благодатью своею, всеблагий!» И тем всегда утешал я себя, что не погрешил никогда против церковной службы от юных лет и до сего времени, разве что был болен, ни нищего, ни убогого, ни странника, ни скорбного, ни печального никогда не презрел я, разве когда по неведению, и из темниц больных и пленных, и должников из рабства, и во всякой нужде людей по силе своей выкупал я, и голодных, как мог, кормил, рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил и на свободу пустил я, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, и молят за нас бога, и всегда нам содействуют. А кто и забыл нас — бог его простит во всем. А теперь домочадцы наши живут все свободны у нас в своей воле, видел ты сам, чадо мое, многих ничтожных сирот, и рабов, и убогих, мужского полу и женского, и в Новгороде, и здесь, в Москве, вскормил и вспоил я до зрелости, обучил, кто чему достоин, многих и грамоте, и писать, и петь, которых иконному письму, а каких и книжному искусству, тех серебряному делу и прочим всем многим ремеслам, а кого разной торговлей обучил заниматься. А мать твоя воспитала в добром наставлении многих девиц и вдов, ничтожных и убогих, обучила рукоделию и разному домашнему обиходу и, наделив приданым, выдала замуж, а мужчин поженили у добрых людей,— и все те, дал бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подьячих, и во всяких чинах: кто во что уродился и в чем кому благоволил бог быть,— те занимаются разными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю. И божьею милостью у всех тех наших вскормленников и иждивенцев ни позор, ни убыток, ни денежной пени от людей, ни людям от нас, ни тяжб ни с кем не бывало: во всем бог сберег до сих пор. А от кого нам, от наших вскормленников, досада и убытки многие и большие бывали, так-то все мы сами снесли, никто о том и не слыхивал, а нас за то бог наградил. И ты, чадо, тому же подражай и так поступай: всякую обиду в себе пронеси и перетерпи, и бог вдвойне наградит. Не познал я другой жены, кроме матери твоей; как дал ей слово, так и исполнил. О боже, Христе, удостой закончить жизнь свою по-христиански в заповедях твоих! Живи, чадо, по христианскому закону во всех делах без лукавства и без всякой хитрости во всем, да не всякому духу верь, доброму подражай, лукавых и закон преступающих во всяких делах отнюдь не привечай. Законный же брак со всей осторожностью соблюдай до конца своей жизни, чистоту телесную сохрани, кроме жены своей, не знай ни-

кого и также пьянственного недуга берегись: в тех двух причинах все зло заводится вплоть до преисподнего ада: и дом пуст — богатству разорение, и богом не будет помилован, и людьми обесчещен, высмеян и унижен, родителями же проклят. Если, чадо, тебя от такого зла господь сохранит, закон соблюдешь по заповеди господней, и от хмельного питья воздержишься, и добродетельно проживешь, как все богобоязненные люди, тогда ты помилован будешь богом и почтен людьми. И наполнит господь дом твой всякою благодатью. И еще напомнить: гостей приезжих у себя корми, а с соседями и со знакомыми пребывай в дружбе и в хлебе, и в соли, и в доброй сделке, и во всяком займе. А поедешь куда в гости — подарки недороги вези за дружбу; а в пути от стола своего есть давай домашним твоим и приходящим, и их с собою сажай за стол, и питье им также подавай. А маломощным милостыню подавай. И если так поступаешь, то везде тебя ждут и встречают, а в путь провожают — от всякого лиха берегут: на стоянке не обкрадут, а на дороге не убьют, потому-то и кормят доброго ради добра, а лихого от лиха, но если и это на добро во всем обратится, в том убытка нет добрым людям. Хлеб-соль — взаимное дело, да и подарки также, а дружба навек, да и слава добрая. А ни в пути, ни в пиру, ни в торговле сам никогда браниться не начинай, и кто излает — стерпи бога ради, но уклонись от брани: добродетель побеждает злонравие, злобу преодолевает, ибо господь гордым противится, смиренных любит, а покорному дает благодать. Если же людям твоим случится с кем переругаться, так ты своих побрани, а крутое дело — так ты и ударь, хотя бы прав был твой: тем брань успокоишь, да к тому же убытка и вражды не будет. Да еще вот недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба. Вспоминай, сынок, великое милосердие божие к нам и заступничество с юности и до сего времени. На поруки не брал никого, но и меня не брал никто, ни в каких делах и на суде не бывал ни с кем, ни в истцах, ни в ответчиках. А видел ты сам, в ремеслах во многих разных дел мастеров много бывало всяких: иконники, переписчики книг, серебряные мастера, кузнецы, и плотники, и каменщики разные, и кирпичники, и строители крепостей, и всякие мастера; деньги даны им на ремесло наперед по рублю, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и больше; хоть многие были мошенниками и бражниками, но со всеми теми мастерами за сорок лет, дал бог, обошлись без клеветы, и без судебного пристава, и без всякой кручины, все, что было, улажено хлебом, да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпеньем своим. Если же сам у кого что купливал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно,

а не в обман; кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам. Ни в купле, ни в продаже ни с кем ни тяжба, ни брань не бывали, так что добрые люди во всем мне верили, и здешние, и иноземцы — никому и ни в чем не солгано, не обмануто, не просрочено; ни в ремесле, ни в торговле, ни кабалы, ни записи на себя ни на чем я не давал, и лжи ни в чем не бывало. Видел и сам ты, какие большие ссоры со многими были людьми, да все, дал бог, без вражды кончалось. А ведаешь и сам, что не богатством жили мы с добрыми людьми,— правдой, да лаской, да любовью, а не гордостью, и без всякой лжи. Чадо мое любимое, Анфим, а в том, что тебя наставлял я и всяким путем поучал добродетельному и богополезному житию и что неумелое это писание худого моего поучения тебе передал, так молю тебя, чадо, господа ради и пречистой богородицы и великих чудотворцев, прочти ты его с любовью и со вниманием и запиши его в сердце своем и, прося у бога милости, и помощи, и разума, и крепости, и всего, уже именованного, по этому же написанию с любовью и делом, так и жену поучай и наставляй и детей своих и домочадцев всех учи страху божию и добродетельному житию. А если и сам так поступаешь, и научишь жену и детей, и рабов и рабынь, и всех ближних своих и знакомых, и дом свой хорошо устроишь, благость у бога найдешь и вечную жизнь получишь со всеми, кто тебя окружает. Но если, сынок, моего моления и наставления не примешь, и по этому написанию жить не станешь, подобно другим добрым людям и богобоязненным мужам, и заповеди отца духовного не станешь соблюдать, и не воспользуешься поучением одухотворенных богом мужей и чтением святого Писания, и христианскому праведному закону не последуешь, и о домочадцах своих не порадеешь, то я твоему греху не причастен, сам о себе, и о домочадцах своих, и о жене дашь ответ в день Страшного суда. Если, чадо мое возлюбленное, хоть редкие заповеди этого моего простого наставления соблюдешь и делом их оправдаешь, то будешь сын света и наследник небесного царства, и снизойдет на тебя милость божия и пречистой богородицы и заступницы нашей, и великих чудотворцев Николая, Петра, Алексия и Сергия, и Никона, и Кирилла, и Варлаама, и Александра, и всех святых, и молитва родителей, и мое вечное тебе благословение отныне и во веки веков, и благословляю тебя, чадо мое, и прощаю в сем веке и в будущем, пусть будет на тебе милость божия, и на жене твоей, и на детях твоих, и на всех твоих людях отныне и во веки веков.

Чадо мое единственное и любимое, Анфим, соизволил бог — и благочестивый православный царь-государь велел послужить тебе в своей царской казне у таможенных дел, и теперь говорю тебе, чадо, и со слезами молю: «Господа ради помни царское наставление, прося у бога помощи и смысла от всей души и от всего помышления, служи верою и правдою без всякой хитрости и без

всякого лукавства в любом государственном деле; с другом не дружи, недругу не мсти, и волокита бы людям ни в чем не была, всякого обслужи с любовью и без брани; а не удастся дело, так ты добрым словом ответствуй, а срок пропустив, без проволочки отправь; а в торговле поступай обходительно, душевредной служба твоя не была бы государю ни в чем, сам же сыт будь благословенным царским жалованьем, и все хозяйское у тебя было б всегда на счету и на заметке, в записи и приход и расход, казначеям будь послушен, а с товарищами согласен, с подьячими, и мастерами, и сторожами будь строг, и дружелюбен, и с любым человеком приветлив, а бедных, и печальных, и нуждающихся, и пленных всегда без волокиты разбери, и от себя по возможности накорми и напои, и милостыню дай, по человеку смотря; а случится суд, всякому человеку, богатому и убогому, другу и недругу, если дело его истинно и праведно, без волокиты и без всякой хитрости его заверши, по словам Евангелия: «Не по лицам судите сынов человеческих, но праведный суд судите, каким судите судом, таким и судится вам, и какою мерою мерится, такой и воздастся».

Слава свершителю богу ныне и во веки веков, аминь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Семь городов оспаривали право быть родиной великого Гомера, автора бессмертных «Иллиады» и «Одиссеи». Споры же по поводу, кто, где и когда написал «Домострой», одно из уникальнейших творений русского Средневековья, идут до сих пор в среде историков и литературоведов. Автором «Домостроя», написанного, видимо, в первой половине XVI века, долгое время считали священника Сильвестра. Но вряд ли этот «свод наставлений и правил, которым должен был следовать всякий человек в обществе и домашней жизни», написан одним автором. По мнению исследователей, у «Домостроя» несколько авторов, а Сильвестр скорее был его редактором. Им же самим написана завершающая 64-я глава. Она как бы заключает практические советы, касающиеся земной жизни, и содержит наставления, как готовить себя к жизни вечной.

Но даже если Сильвестру принадлежит лишь эта завершающая «Домострой» глава, то уже одна эта работа ставит автора «Послания и наставления от отца к сыну» в ряд выдающихся мыслителей своего времени. Кто же он, священник Сильвестр?

Обратимся к Николаю Михайловичу Карамзину, к его «Истории государства Российского».

1547 год. Пожар Москвы. «Люди с опаленными волосами, с черными лицами, бродили как тени среди ужасов обширного пепелища: искали детей, родителей, остатков имения; не находили, и выли как дикие звери».

А царь со своим двором укрылся в это время в селе Воробьево, «чтобы не слыхать и не видать народного отчаяния». Часть бояр воспользовалась пожаром, чтобы составить заговор против Глинских, родственников царя. «Мятежники в святом храме убили роднаго дядю Государева... Никто не унимал беззакония...»

В это время, когда юный царь Иван IV «трепетал» в своем Воробьевском дворце, и явился к нему «какой-то удивительный муж». Вот что пишет об этом Н. М. Карамзин: «...муж, именем Сильвестр, саном Иерей, родом из Новагорода; приблизился к Иоанну с подъ-

ятым, угрожающим перстом, с видом Пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь Небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данныя Вседержителем сонму Царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какия-то страшныя видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши, и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным — и принял оною. Смиренный Иерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с одним из любимцев Иоанновых, Алексеем Федоровичем Адашевым, прекрасным молодым человеком, коего описывают земным Ангелом...

Сильвестр возбудил в Царе желание блага: Адашев облегчил Царю способы благотворения.— Так повествует умный современник, Князь Андрей Курбский... По крайней мере здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в Правлении, ознаменованная счастливыми для Государства успехами и великими намерениями».

Но с течением времени отношение Ивана Грозного к Сильвестру и Адашеву стало меняться. 1553 год. Над Россией зловеще нависла моровая язва, вспыхнул бунт черемисов, царь, тяжело заболев, составил завещание, разделившее бояр да и его советников на враждующие лагери. Когда Иван выздоровел, ему внушили, что Сильвестр с Адашевым якобы тайно поддерживали претензии на престол князя Владимира в случае «иоанновой кончины». Больше того, супруга царя Анастасия «отделилась от них (Сильвестра и Адашева.— *Ред.*) тайною неприязнию, думая, что они имели намерение пожертвовать ею, сыном ея...»

Особая неприязнь к Сильвестру и Адашеву охватила царя после смерти царицы Анастасии.

Но главное, конечно, не в многочисленных наветах на Сильвестра и Адашева. Все гораздо проще. Государь перестал чувствовать необходимость в дальнейшем руководстве, в советах своих бывших наставников. Они стали его раздражать. Он ощущал «тяжесть принуждения». Почувствовав отчужденность царя, Сильвестр и Адашев решили удалиться от царского двора. Адашев «принял сан воеводы» и уехал в Ливонию, Сильвестр, дав Государю от чистого сердца благословение, удалился в «пустынный монастырь». Шел 1560 год...

Но клеветники не унимались, и Государь велел судить еще не-

давно ближайших своих сподвижников и наставников, обвинив их в измене. Судьи приговорили обоих к смерти. Но царь, «желая иметь вид милосердия, умерил оную». Сильвестр был сослан в уединенную обитель Соловецкую, Адашева заключили в Дерпт, где он через два месяца умер от горячки.

Такова судьба одного из авторов, или единственного автора «Домостроя». В какое время было создано это произведение? Где? Сколько писалось?.. Эти и многие другие вопросы по-прежнему волнуют исследователей и ждут ответов.

253 Х Вступ. → 254

4,8 четкая регламентация своих обязанностей.

30-31, 256.

Вести себя с людьми:

6, 38, 40

дети - родители 16-17

запасы - еда:

259 → 261 ?

ПИЛИПОВ ВИЛЬ МИХАЙЛОВИЧ

Так ли плох был Домострой?

Художник *Гордеев В. А.*
Редактор *Симакова Т. И.* Художественный редактор *Горняк М. В.*
Технический редактор *Оносовская Т. А.* Корректор *Карпова Н. В.*

Сдано в набор 21.06.91. Подписано в печать 28.11.91. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. п. л. 2,79. Усл. кр.-отт. 3,25. Уч.-изд. л. 2,673. Изд. № 0646-00415. Тираж 210000 экз. Заказ № 3537. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Панорама». 123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.
Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.

Пилипов В. М.

П 32 Так ли плох был Домострой? — М.: Панорама, 1991.— 48 с. (Популярная библиотечка «Коробейник». Серия «Для дома, для семьи»).

ISBN 5-85220-137-5

Нужен ли нам «Домострой», не потеряли ли мы нечто очень важное, отказавшись от него, может ли нам помочь «Домострой» воспитать новое поколение, сильное верой в добро, не лишенное чувства сострадания,— над этими и другими вопросами размышляет автор данной брошюры.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

П $\frac{5002000000\text{-}187}{088(02)\text{-}91}$ КБ-26-4-91 **ББК 87.7**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

«ДОМОСТРОЙ»

вышел в 1990 г.
в издательстве «Советская Россия»

~~1 р. 50 к.~~ 2-45

Популярная библиотечка «Коробейник»